

УДК 81-11
ББК 81.01

ВКЛАД Л.В. ЩЕРБЫ В РАЗВИТИЕ АНТРОПОЛИНГВИСТИКИ

С.Р. Омельченко

В статье обобщены антропологические взгляды выдающегося отечественного лингвиста Л.В. Щербы, нашедшие отражение в его теории фонемы, учении о речевой деятельности, в разграничении пассивной и активной грамматик, концепции идеографического словаря, а также в методических трудах.

Ключевые слова: *человеческий фактор, антропологические представления, речевое поведение, индивидуальная речевая система, активная грамматика, идеологический (идеографический) словарь, языковая личность.*

В 2010 г. исполняется 130 лет со дня рождения выдающегося отечественного лингвиста Л.В. Щербы (1880–1944). Это был весьма самобытный исследователь, посвятивший свою жизнь изучению языка, за которым он видел и мысль человека, и деятельность людей, и культуру народов [5, с. 3]. Профессор Петроградского (Ленинградского) университета, а затем МГУ, с 1943 г. – академик, Л.В. Щерба оказал существенное влияние на развитие теории языка, исследование фонетики и орфоэпии, грамматики, письменности, орфографии, транслитерации и транскрипции, методики преподавания родного и иностранных языков, лексикографии. Это не раз отмечалось в научной, специальной и справочной литературе [1–5; 10].

Мне хотелось бы обратить внимание на еще один аспект его деятельности, который, так или иначе, связан с решением теоретических и прикладных проблем. Л.В. Щерба внес существенный вклад в развитие антропологистики, которая в годы его жизни и деятельности еще только формировалась, а главенствующим, как известно, был структурализм.

Отличительной чертой научного творчества Л.В. Щербы является внимание к человеческому фактору в языке. С одной сторо-

ны, он рассматривал язык в его человеческой сущности. С другой стороны, Л.В. Щербу интересовал сам человек, его умение слышать и понять звучащую вокруг него речь. Вот как об этом писал Л.В. Щерба: «Я... зову любить, наблюдать, изучать человека, обнаруживающего свои переживания, и человека, понимающего внешние знаки этих переживаний, вообще человека, как единственного истинного носителя языка как выразительного средства познания. Я зову также наблюдать и изучать язык в процессе языка» (цит. по: [5, с. 48]).

Впервые антропологизм взглядов Л.В. Щербы наиболее четко проявился в его теории фонемы. Вслед за И.А. Бодуэном де Куртэне Щерба связывал с фонемой некоторую сумму отдельных антропофонических представлений: артикуляционных и акустических. Такое психологическое понимание фонемы нашло отражение в следующем определении: «Фонемой называется кратчайшее общее фонетическое представление данного языка, способное ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать слова и могущее быть выделяемо в речи без искажения фонетического состава слова. ... Фонемы – это продукт нашей психической деятельности... они являются, хотя и типовыми, но все же конкретными фонетическими представлениями... Иначе говоря, мы стремимся “произносить фонемы” одинаково во всех положениях» [8, с. 14–15].

По мнению Л.В. Щербы, критерием выделения фонем как отдельных фонетических единиц является их способность участвовать в различении звуковых оболочек слов. Разными фонемами признаются только те звуковые единицы, которые самостоятельно дифференцируют словоформы. Эту роль в языке могут выполнять такие фонетические единицы, которые осознаются носителями данного языка как разные звуки и которые могут быть изолированы языковым сознанием говорящего.

Л.В. Щерба приводит пример: в словах *дети* и *детки* мы воспринимаем согласные **t'** и **t** как две разные фонемы, так же, как в словах и словоформах *одет* – *одеть*, *разут* – *разуть*, *тук* – *тюк*, в которых они дифференцируют значение. Но в словах *дети* и *детки* мы воспринимаем различные оттенки первого гласного как одну фонему, поскольку в русском языке нет ни одного случая, где бы эти оттенки помогали различать смысл слов [8, с. 9].

Рассмотренный пример наглядно иллюстрирует тот факт, что Л.В. Щерба, с одной стороны, считает основным свойством фонемы ее способность различать слова, а с другой – настаивает на психологическом ее восприятии носителями языка.

Вместе с тем, учитывая, что звуки речи воспроизводит человек, который живет в обществе и общается с другими людьми, ученый пришел к выводу, что сама фонема – это не просто психическое представление, она имеет социальную значимость, которая проявляется в ее функционировании. Звук речи не просто звучит, он действует в этом обществе; следовательно, он имеет свою функцию, и эта функция – социальная. Звук речи – та материя, тот материал, на котором основана всякая речь, всякое действие языка. Иначе как смог бы человек передавать свою мысль, смысл предложений, значения слов [9, с. 188].

Психологическое и функциональное объяснение фонемы позволило Л.В. Щербе приблизиться к пониманию реального речевого поведения носителей русского языка.

В известной статье «О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» (1931) ученый рассмотрел понятия речевой деятельности, языковой системы и

языкового материала, вкладывая в них несколько иное, чем Ф. де Соссюр, содержание.

Речевую деятельность Л.В. Щерба связывал с процессами говорения и понимания, тогда как Соссюр соотносил ее с человеческой речью вообще и считал ее свойством, присущим человеку. По мнению Л.В. Щербы, речевая деятельность, обусловленная психофизиологической речевой организацией индивида, в то же время является социальным продуктом. Это предопределено самой языковой системой, поскольку в ней мы имеем «некую социальную ценность, нечто единое и общеобязательное для всех членов данной общественной группы, объективно данное в условиях жизни этой группы» [9, с. 27]. Ученый считал, что все величины, которыми мы оперируем в языковой системе, то есть словаре и грамматике, являются по сути концептами, выводимыми нами лишь из процессов говорения и понимания. Саму же совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы, представленную в виде различных текстов, Л.В. Щерба назвал языковым материалом [там же].

В отличие от Ф. де Соссюра, утверждавшего, что язык и речь – это две вещи, совершенно различные, Л.В. Щерба говорил об искусственном разграничении единого целого, чем является речевая деятельность. Он писал о том, что языковая система и языковой материал – это лишь разные аспекты речевой деятельности. Языковой материал вне процессов понимания будет мертвым, само же понимание языкового материала вне языковой системы невозможно. Причем, по мнению Л.В. Щербы, системным является не только язык, но и речевая деятельность тоже. Это обстоятельство позволило ему ввести в научный обиход термин «индивидуальная речевая система», который означает «индивидуальное проявление» языковой системы в языковом материале [там же, с. 27–28]. Другими словами, «индивидуальная речевая система является лишь конкретным проявлением языковой системы» [там же, с. 34]. В связи с этим Л.В. Щерба пишет, что лингвист, изучая, например, сочинения писателя, может исследовать его речевую деятельность как таковую,

и, в конечном счете, выйти на языковую систему того языка, на котором писатель создал свои творения [9, с. 34].

Владение языковой системой обуславливает речевую деятельность говорящего, то есть позволяет ему создавать и понимать тексты по определенным правилам, «но зачастую самым неожиданным образом». Для Л.В. Щербы важна содержательная сторона процесса. При создании текстов действуют «не только правила синтаксиса, но, что гораздо важнее, – правила сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы» [там же, с. 24].

В этой же статье Л.В. Щерба затрагивает проблему лингвистического эксперимента, которая в то время редко подвергалась анализу. Он считает, что «извлечение языковой системы из текстов» вовсе не является единственным способом деятельности лингвиста. Необходимо проверять анализ текстов экспериментом. Выдвинув некоторую гипотезу, нужно подтвердить ее правильность на более разнообразном материале, привлекая те или иные контексты. В этом случае лингвист может помимо обращения к информантам пользоваться и самонаблюдением, которое должно быть не пассивным, а активным [там же, с. 32–37].

К проблеме эксперимента Л.В. Щерба, безусловно, обратился в связи со своим богатейшим опытом экспериментатора-фонетиста, но он рассматривает ее не как специально фонетическую, а как общелингвистическую, учитывая при этом человеческий фактор. Автор отмечает: «Сделав какое-либо предположение о смысле того или иного слова, той или иной формы, о том или ином правиле словообразования или формообразования и т. п., следует пробовать, можно ли сказать ряд разнообразных фраз (который можно бесконечно множить), применяя это правило» [там же, с. 32]. В результате подобного экспериментирования возможны два результата: утвердительный и отрицательный. Утвердительный результат убеждает в правильности постулата и сопровождается чувством большого удовлетворения у человека, который сознательно участвовал в эксперименте.

Отрицательный результат, или, как его назвал Щерба, «отрицательный языковой ма-

териал», тоже является важным, причем не только для исследования индивидуальной речевой системы, но языковой системы в целом. Как правило, люди не замечают ошибок в устной речи, а это, в свою очередь, свидетельствует о том, что все эти ошибки социально обоснованы: их возможности заложены в данной языковой системе [9, с. 36].

По мнению Л.В. Щербы, ощущение нормы, оценочное чувство правильности или неправильности присуще любому нормальному члену общества. Оно формируется вместе с усвоением языка. При этом надо учитывать, что ощущение нормы, как и сама норма, может быть и слабее и сильнее в зависимости от разных условий, в том числе от наличия нескольких сосуществующих норм, недостаточно дифференцированных для носителей языка, от присутствия или отсутствия нормы, считаемой за чужую, от которой следует отталкиваться, и, наконец, от практической важности нормы или ее элементов для данной социальной группы [там же].

Эту мысль об ощущении нормы Л.В. Щерба развивал и в других своих работах (см., например: [там же, с. 155, 276]). В частности, ученый отмечал, что в сознании человека существует некоторый идеал, «некоторая идеальная норма». Непосредственно в речевом исполнении этот идеал может и не осуществиться, или осуществляться только наполовину в зависимости от разных обстоятельств, и, воспринимая речь, мы дополняем от себя то, чего не хватает в исполнении [там же, с. 155]. Следовательно, в практике живого языка ошибки, не мешающие взаимопониманию, должны расцениваться совершенно иначе.

Антропологические взгляды Л.В. Щербы проявились также в разграничении пассивной и активной грамматик. Пассивная грамматика связывалась им с традиционным языкознанием, для которого было принято идти от формы языковой единицы к ее смыслу, тем самым значение формы объяснялось пассивно. Л.В. Щерба обратил внимание ученых на то, что можно идти и другим путем – от смысла к форме, то есть из многих почти похожих и равных избирая единственно нужную в данном случае форму. Этот второй путь Л.В. Щерба и предложил называть активной

грамматикой. По его мнению, именно в такой грамматике человек выражает себя наиболее полно как представитель определенного языкового общества. Человек в этом случае не пользуется готовым, а сам избирает форму выражения мысли, а подчас и сам создает такую форму [7, с. 65–66; 9, с. 77, 333–338].

Например, в зависимости от коммуникативной установки говорящий будет выбирать из существующих в языке конструкций только ту, которая единственно подходит для выражения его воли в виде приказа, пожелания, угрозы и т. п. Во-первых, это могут быть формы повелительного наклонения, в том числе и с частицами *пусть* (*пускай, да*), выражающими разные модальные оттенки. Во-вторых, можно воспользоваться формами 1-го лица множественного числа настоящего и будущего времени и редко – прошедшего времени: *едем(те), сядем(те), будем читать, поехали, засели за работу* и т. п. В-третьих, можно употребить конструкции *давай, давайте* + инфинитив. В-четвертых – разные обороты: *приказываю* (кому-либо) + инфинитив, *требую, чтобы* (кто-либо) + форма прошедшего времени, *прошу* (кого-либо) + инфинитив и т. п.

В пассивной грамматике изучают специфическое значение каждой из этих единиц, характер словосочетания, порядок слов и т. д. В активной грамматике нужно одно: «какими языковыми средствами выражается одна и та же категория», в которой отражена, в свою очередь, категория мысли [9, с. 333–338].

Антропологические взгляды Л.В. Щербы проявились и в теории частей речи. Пытаясь определить статус частей речи – морфологические или синтаксические это классы слов, – Л.В. Щерба приходит к мысли о том, что нужно учитывать, «какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой, или точнее... какие общие категории различаются в данной языковой системе» [там же, с. 78–79]. Ученый не поясняет, что означает такое «навязывание» классификации языковой системой. Это обусловлено, видимо, тем, что ко времени появления его работы «О частях речи в русском языке» (1928) он уже начал отходить от психологи-

ческий воззрений на язык. Однако по существу здесь речь идет именно о том, что классификация может навязываться не только языковой системой (она может навязывать разные классификации), но и психолингвистическими механизмами. Отсюда и допустимость для Л.В. Щербы пересечений частей речи, возможность некоторых слов оставаться вне классификации. Для научных классификаций все это – недостаток, а для моделирования психолингвистического механизма человека такой подход может быть оправданным [1, с. 235].

Разграничение пассивной и активной грамматик послужило основанием для учения Л.В. Щербы об «идеологическом» словаре.

Позже, когда слово *идеологический* получило политическую окраску, его заменили другим – *идеографическим*. Часть термина *идео-* – та же «идея», но только понимается иначе, в специальном смысле: как общее понятие о мире вещей [5, с. 110].

По мнению Л.В. Щербы, при составлении такого словаря, в отличие от алфавитного, человеческая природа языка напоминает о себе настойчивее, чем при формальной классификации тех или иных лингвистических явлений. Например, идея *счастья* или идея *несчастья* в данном языке может передаваться различными средствами. Здесь могут быть и синонимы, и синонимические словосочетания, и ассоциации слов по более далеким точкам соприкосновения и т. д. Основу словаря составляют слова-центры, объединяющие группы лексем, связанных по смыслу. Алфавитная последовательность слов в этом случае оказывается непригодной. Преимущество идеологического словаря заключается в том, что в нем группировка формальная осложняется группировкой содержательной, которая, в свою очередь, оказывается в зависимости от мыслей и чувств людей, живущих в определенную эпоху и в определенном обществе. Идеологический словарь, исходя из идей, а не из форм, подчеркивает, таким образом, примат мышления, и, более того, дает материал для построения истории мышления, отраженного в языке [6, с. 77–84; 9, с. 290–297].

Кроме того, антропологические взгляды Л.В. Щербы проявились в его ме-

тодических трудах («Преподавание иностранных языков в средней школе», 1947; «Об идеально грамотном человеке», 1940; «Теория русского письма»). В этих и других работах Л.В. Щерба говорит о том, что цель преподавания как родного, так и иностранного языков заключается в развитии мыслительных способностей учащихся, то есть в приобретении ими навыка правильно думать. Для этого, по мнению Щербы, нужно, чтобы ученики шли не от правила к конкретному примеру, показывая через него это отвлеченное правило, а наоборот – от живых примеров к созданию правила, обобщая замеченное в языке как закон. Так делают ученые: от материала к пониманию закономерности, отражая ее в законе-правиле. Подобный путь помогает развивать способности самонаблюдения. Задача учителя – выявить в учащихся сознательное отношение к явлениям, существующим в языке. Механический способ обучения, например, орфографии не достигает цели, что в итоге «страшно удручает детей». Нужно наблюдать за языковыми фактами в тексте, чтобы научиться тонко в них разбираться. Это вызывает интерес к языку и, в конечном счете, – любовь к нему. Важно, чтобы в результате обучения сформировалась личность со всеми своими общественными задатками, в том числе и языковыми навыками. По сути здесь речь идет о формировании языковой личности – одной из важнейших категорий антропологистики.

В своих методических трудах так же, как и общетеоретических, Л.В. Щерба не раз обращался к мысли об активной позиции говорящего, и тем более лингвиста по отношению к изучаемому им языку. «Можно прожить, например, в Париже целый месяц и по-настоящему не услышать французского языка», – пояснял свою мысль Л.В. Щерба [7, с. 18]. Все дело в том, стремится или не стремится человек услышать и понять звучащую вокруг него речь.

Изучение иностранного языка, по мнению Л.В. Щербы, является, с одной стороны, наилучшим средством для познания родного языка, а с другой – для развития диалектического мышления. Ничего нельзя познать без сравнения, поскольку единство

языка и мышления не дает человеку возможности отделять мысль от способов ее выражения. Знание лишь одного языка создает иллюзию, будто существуют неизблемые понятия, которые одинаковы для всех времен и для всех народов. Сравнивая детально разные языки, мы разрушаем эту иллюзию. Через сравнение повышается сознательность. Во-первых, «сравнивая разные формы выражения, мы отделяем мысль от знака, ее выражающего, и приучаемся лучше распознавать таким образом разные оттенки этой мысли». Во-вторых, и это самое главное, как считает Л.В. Щерба, «надо иметь в виду, что языки отражают мировоззрение той или другой социальной группы, то есть систему понятий, ее характеризующую», а это, в свою очередь, способствует расширению познания вообще. В результате получается «освобождение мысли из плена слова, из плена языка и предание ей истинной диалектической научности» [9, с. 316–317]. Иностраный язык, выражая ту же мысль другими терминами, помогает вскрывать разнообразные средства выражения и в родном языке, отучая смешивать способы выражения с существом вещей. Человек, «освобождая мысль из плена слов», начинает понимать мысль как таковую, и только в этом случае он может возвыситься до подлинной абстракции, «преодолеть все те пережитки в языке, которые сковывают по рукам и по ногам и саму нашу мысль» [там же, с. 340, 354].

Наконец, об интересе ученого к человеческому фактору свидетельствуют термины, которые Л.В. Щерба ввел в научный обиход и которые вошли в категориальный аппарат антропологистики: «лингвистический инстинкт», «речетворчество», «словотворчество», «сознание говорящего», «чувство нормы», «чутье говорящих», «эгоцентрические чувства», «языковое мышление» [9, с. 57, 99, 137–138, 296].

Антропологистические взгляды Л.В. Щербы нашли выражение и при решении других важных для языкознания проблем, подготовив переход от изучения фонетики, морфологии и других уровней языковой системы к изучению языка как средства выражения мыслей и чувств человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов, В. М. История лингвистических учений / В. М. Алпатов. – М. : Яз. рус. культуры, 1998. – 368 с.
2. Будагов, Р. А. Академик Л.В. Щерба (1880–1944) / Р. А. Будагов // Будагов, Р. А. Человек и его язык / Р. А. Будагов. – 2-е изд. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976. – С. 343–352.
3. Виноградов, В. В. О некоторых лингво-методических взглядах акад. Л.В. Щербы / В. В. Виноградов // Русский язык за рубежом. – 1970. – № 2. – С. 37–53.
4. Зиндер, Л. Р. Л.В. Щерба. Основные вехи его жизни и научного творчества / Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич // Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – С. 5–23.
5. Колесов, В. В. Л.В. Щерба : кн. для учащихся / В. В. Колесов. – М. : Просвещение, 1987. – 160 с.
6. Щерба, Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике / Л. В. Щерба. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1958. – 182 с.
7. Щерба, Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе / Л. В. Щерба. – М. ; Л. : Изд-во АПН РСФСР, 1947. – 96 с.
8. Щерба, Л. В. Русские гласные в качественном и количественном отношении / Л. В. Щерба. – Л. : Наука, 1983. – 160 с.
9. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.
10. Юдакин, А. П. Ведущие языковеды мира : энцикл. / А. П. Юдакин. – М. : Энцикл., 2000. – С. 857–858.

L.V. SCHERBA'S CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF ANTHROPOLOGICAL LINGUISTICS

S.R. Omelchenko

Anthropological views of the outstanding Russian linguist L.V. Scherba are summarized in the article as including his theory of the phoneme, doctrine about the speech activity, differentiation of the passive and active grammar, conception of ideographic dictionary as well as some working methods.

Key words: *human factor, anthropological notions, speech behavior, individual speech system, active grammar, ideographic (ideographic) dictionary, linguistic personality.*